

© 2024. Н. Н. Подосокорский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

История в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского

Аннотация: Статья посвящена роли истории в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. Писатель изучал всемирную и российскую историю на протяжении всей жизни. В работе отмечается, какие исторические труды читал и ценил Достоевский, какие книги по истории имелись в его домашней библиотеке. Предпринята попытка определить, как Достоевский понимал историю, какой ему виделась роль личности в истории. Уже первые литературные опыты писателя в самом начале 1840-х гг. были связаны с попыткой написать сочинения на исторические темы. И затем многие его произведения были им самим жанрово определены как «летопись» или «хроника», что позволяет формально отнести их к «исторической литературе» в широком смысле. В произведениях Достоевского герои не только с увлечением изучают и преподают историю, но и активно сочиняют исторические труды научного и художественного плана. Обращение писателя и его героев к истории лежит в основе поэтики Достоевского и зачастую создает в его произведениях сюжет второго плана, который придает изображаемым сценам и характерам дополнительный историко-культурный объем.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, теория литературы, история, философия истории, наполеоновский миф, Наполеон, Шлоссер, роль личности в истории.

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 28.06.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Подосокорский Н. Н. История в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 98–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. **Nikolay N. Podosokorsky**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

History in the Life and Work of F. M. Dostoevsky

Abstract: The article is devoted to the role of history in the life and work of F. M. Dostoevsky. The writer studied world and Russian history throughout his life. The work notes what historical works Dostoevsky read and especially valued, and what books on history were in his home library. The article attempts to determine how Dostoevsky understood history, how he saw the role of the individual in history, and how he expressed it in his works. The writer's first literary experiences in the early 1840s were already associated with an attempt to write essays on historical topics. And then, he defined many of his works by the genre as "chronicle" or "annals," which allows them to be formally classified as "historical literature" in a broad sense. In Dostoevsky's works, the characters not only enthusiastically study and teach history but also actively compose historical works of a scientific and artistic nature. The author of the article substantiates the idea that the writer and his characters' appeal to history lies at the basis of Dostoevsky's poetics and often creates a secondary plot in his works, giving the depicted scenes and characters additional historical and cultural volume.

Keywords: F. M. Dostoevsky, literary theory, history, philosophy of history, Napoleonic myth, Napoleon, Schlosser, the role of personality in history.

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Received: May 10, 2024

Approved after reviewing: June 28, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Podosokorsky, N. N. "History in the Life and Work of F. M. Dostoevsky." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125>

Достоевский родился в эпоху, когда в Европе и в России происходило постепенное переосмысление предложенных ведущими философами-просветителями XVIII в. подходов к изучению истории, для которых было свойственно деление истории на «гражданскую» и «священную» при полном игнорировании или исключительно сатирическом изображении последней [История в Энциклопедии...: 7]. Исследователь историографии XIX в. Хейден Уайт определяет период 1830–1870-х гг. (на него пришлась практически вся сознательная жизнь Достоевского) как «зрелую» или «классическую» фазу развития исторической мысли, для которой были характерны «непрерывные дебаты по поводу исторической теории и интенсивное производство объемных повествований о культурах и обществах прошлого» [Уайт: 54]¹. По мнению Уайта, ключевым в этих дебатах о «правильном» понимании истории был спор о том, что такое «реализм» и как вообще устроена сама реальность. «Каждое из наиболее важных культурных движений и идеологий XIX века — Позитивизм, Идеализм, Натурализм, (литературный) Реализм, Символизм, Витализм, Анархизм, Либерализм и прочие — претендовало на создание более “реалистического”, чем у соперников, понимания социальной реальности. <...> Быть реалистом означало ясно видеть вещи такими, каковы они в действительности, и делать из этого ясного видения реальности соответствующие выводы, на основе которых вести свою жизнь. Отсюда следует, что претензии на подлинный “реализм” были одновременно и эпистемологическими, и этическими» [Уайт: 67].

¹ Современник Достоевского Н. Г. Чернышевский также отмечал, что только в этот период «удалось ясно постичь идею всеобщей истории, потому что только с Гегеля, Гизо, Нибура, Шлоссера начинается деятельная разработка этой идеи; только в творениях этих великих ученых и их последователей мы находим первые значительные опыты дать человечеству полный и точный рассказ о его жизни» [Чернышевский 3: 356].

Достоевский также был включен в этот магистральный спор о реализме, позиционируя себя следующим образом: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [Достоевский 27: 65]. Как справедливо отмечает К. А. Степанян, «Достоевский вовсе не считал свой реализм чем-то уникальным. Более того, он считал именно этот реализм коренным свойством настоящей русской литературы» [Степанян: 19], образцом и достигнутым идеалом которой для него было творчество А. С. Пушкина.

Для Достоевского «поэтическая правда» у Гомера, Шекспира или Пушкина оказывается вернее узко понятой «исторической» правды, сводимой к одной только правде «факта». В трактате «Книжность и грамотность» (1861) он полемически восклицает:

Стало быть, поэзия игрушка? Неужели Ахиллес не действительно греческий тип, потому что он как лицо, может быть, никогда и не существовал? Неужели «Илиада» не народная древнегреческая поэма, потому что в ней все лица явно пересозданные из народных легенд и даже, может быть, просто выдуманные? А ведь «Отечественные записки» сплошь да рядом щеголяют подобными доказательствами. Ну что после этого им отвечать, когда главного-то дела, сердцевины-то дела они не понимают? Онегин, например, у них тип не народный. В нем нет ничего народного. Это только портрет великосветского шалопаю двадцатых годов. Попробуйте поспорить.

— Как не народный? — говорим, например, мы. Да где же и когда так вполне выразилась русская жизнь той эпохи, как в типе Онегина? Ведь это тип исторический [Достоевский 19: 9–10].

Подлинная история вовсе не сводилась самим писателем к «правде» отдельного и абстрактного «факта», однако она для него и не замыкалась в рамках литературы. К сожалению, до сих пор основательного научного исследования того, насколько глубоко и разносторонне история присутствует в произведениях Достоевского, так и не было проведено. Абсолютное же большинство исследователей, затрагивающих те или иные исторические реалии в произведениях писателя, были либо заняты поиском несоответствий между словами рассказчика или персонажей и отдельными «историческими фактами», либо сводили эти

реалии к исключительно литературным влияниям. Например, наполеоновский миф в творчестве Достоевского долгое время рассматривался в основном через призму наполеоновского мифа у Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других писателей, хотя Достоевского наполеоновская эпоха интересовала и сама по себе, представленная в документах, устных и письменных воспоминаниях, научных исторических трудах и проч.

Не будет преувеличением сказать, что все творчество Ф. М. Достоевского пронизано самыми разными обращениями к истории — всемирной и российской. «Уже в начале своего творческого пути Достоевский выразил глубинное желание стать “художником в науке”, — отмечает А. Штейнберг. — “Наукой”, которую он стремился развить при помощи художественных средств, была последовательная система моральной философии, основанная на общей философии истории. Окрыленный этой целью, Достоевский сумел обогатить литературу, ввести в нее новый синтез конкретной образности и абстрактной мысли» [Штейнберг: 339]. По убеждению самого писателя, «чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию» [Достоевский 18: 99]. Именно в этом отношении история понималась Достоевским как «наука будущего» [Достоевский 18: 122].

Изучение и популяризация истории Достоевским

Достоевский интересовался историей с самого детства. В «Дневнике писателя» за 1873 г. он вспоминал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина¹, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз

¹ Значение «Истории государства Российского» просвещенного консерватора Н. М. Карамзина для почвенника Достоевского и его творчества сложно переоценить, поскольку, по свидетельству П. П. Семенова-Тян-Шанского, Достоевский знал этот труд «почти наизусть» [Семенов-Тян-Шанский: 298]. Также писатель был знаком и с «Историей русского народа» (1829–1833) Н. А. Полевого, написанной в противовес труду Карамзина, сосредоточенного, главным образом, на личностях, характерах правителей и их деяниях. Полевого иногда называют «родо-

посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным» [Достоевский 21: 134]. Младший брат писателя Андрей Достоевский (1825–1897) приводит в своих мемуарах подробности этого семейного чтения: «Читались по преимуществу произведения исторические: “История Государства Российского” Карамзина (у нас был свой экземпляр), из которой чаще читались последние тома — IX, X, XI и XII, так что из истории Годунова и Самозванцев нечто осталось и у меня в памяти от этих чтений <...>» [Достоевский 1992: 70]. Как далее отмечает мемуарист относительно брата Федора: «История же Карамзина была его настольною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького. <...> Вообще брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные, а также и попадавшиися романы» [Достоевский 1992: 71].

Сильное влияние на формирование мировоззрения юного Достоевского оказали исторические романы Вальтера Скотта. Вспоминая о своем детстве в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), Достоевский отмечал, что такого рода чтение содействовало развитию его воображения, и при этом он сам представлял себя разными героями истории древности и средних веков:

Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Глянденингом из романа “Монастырь” Вальтер Скотта, и проч., и проч. И чего я не перемечтал в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моею в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище [Достоевский 19: 70].

В период обучения будущего писателя в пансионе Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. его преподавателем географии и истории был надворный советник К. М. Романовский [Федоров: 147]. В качестве же основного учебного пособия для поступивших воспитанников использовалась

начальником либерального направления отечественной исторической науки», отмечая, что «он работал уже полностью в рамках рационализма» [Герасименко: 99]. Об «Истории» Полевого Достоевский упоминает в письме к брату Михаилу от 9 августа 1838 г. [Достоевский 28. 1: 51].

первая часть «Руководства к познанию всеобщей политической истории» И. К. Кайданова, посвященная древности. Как отмечает Е. Л. Смирнова: «На первых же страницах руководства автор указывал — в том числе и со ссылкой на Цицерона, знаменитое высказывание которого “*Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae et nuntia vetustatis*” (Cic. De orat., II, 9)¹ приведено в учебнике на латинском языке, — что история “содействует к распространению на свете царства истины, мудрости и добродетели”. И. К. Кайданов сообщал ученикам, что “просвещенный историею подобен человеку, живущему несколько тысячелетий и видевшему все перевороты, случившиеся в свете”, — и добавлял: “Тений Истории, образуя умы и сердца ваши, приведет вас наконец к главной, конечной цели изучения сей науки: в возвышении и падении Царств и народов, он покажет вам чудесные действия премудрости и правосудия Творца вселенной, по манию Коего Царства рождаются, возрастают и исчезают в океане времен”» [Смирнова: 12–13].

При сдаче вступительных экзаменов в Главное инженерное училище в сентябре 1837 г. Ф. М. Достоевский получил высший балл по истории [Нечаева 1979: 63]. Первые его литературные опыты в самом начале 1840-х гг. были связаны с попыткой написать сочинения на исторические темы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» [Викторович 2023], [Викторович 2024], о чем мы знаем благодаря свидетельствам мемуаристов [Ризенкампф: 179], [Сараскина: 113]. По Кайданову Достоевскому преподавали историю и в Главном инженерном училище².

¹ «А сама история — свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины» [Цицерон: 233].

² Речь идет о следующих изданиях: «1) Учебная книга всеобщей истории. (Для юношества). История средних веков: От переселения народов и падения Западной Римской империи до открытия Америки и до преобразования (реформации) западной церкви, или от конца V до конца XV и начала XVI веков / соч. проф. И. [К.] Кайданова. СПб.: печатано при Имп. Академии наук, 1837; 2) Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором Императорского Царскосельского лицея Иваном Кайдановым. Ч. 1–3. 6-е изд. СПб.: при Имп. Академии наук, 1837. (Ч. 2: История Средних веков); 3) Краткое начертание российской истории, составленное, для руководства при первоначальном изучении российской истории, профессором Иваном Кайдановым. 3-е изд. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1836; 4-е изд. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1838» [Маскевич: 68].

В «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский напишет, что «все почти европейские дипломаты учились по “Кайдашке”» [Достоевский 25: 148].

По воспоминаниям ротного офицера при Главном инженерном училище А. И. Савельева, во время учебы «Достоевского <более> занимали лекции истории и словесности Турунова и Плаксина, чем интегральные исчисления, уроки Тер-Степанова, Черневского» [Савельев: 167]. После Я. Н. Турунова курс истории Достоевскому читал декан историко-филологического факультета и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, профессор И. П. Шульгин (1794–1869) [Маскевич: 76]. По воспоминаниям учившихся у него студентов, он не отличался особыми педагогическими дарованиями. К примеру, А. А. Чумиков пишет о нем: «Лекции профессора И. П. Шульгина я находил довольно скучными, несмотря на то, что историческая наука всегда была моим любимым предметом. Заметно было, что источник знания профессора был не из глубоких и что ему порядочно надоело рассказывать одно и то же в течение долгих лет своего преподавательства в нескольких учебных заведениях» [Чумиков: 245].

В показаниях по делу петрашевцев 1849 г. Достоевский объяснил свое повышенное внимание к происходящим на Западе революциям и переворотам тем, что он «страстно любит исторические науки» [Достоевский 18: 162]. Последнее было правдой: будучи узником Петропавловской крепости, Федор в письме к брату Михаилу от 27 августа 1849 г. писал: «Хочешь мне прислать исторических сочинений. Это будет превосходно» [Достоевский 28. 1: 158]. В письме к нему же, но уже из Семипалатинска 27 марта 1854 г. ссыльный писатель вновь проявил свой неослабевающий интерес к историческому чтению: «А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски)» [Достоевский 28. 1: 179].

Позднее, после своего освобождения и возвращения в Петербург Ф. М. Достоевский имел уже в собственной домашней библиотеке богатое собрание трудов (на иностранных языках и в русских переводах) историков Тацита, Г. Т. Бокля, Ф. Гизо, О. Йегера, Т. Карлейля, А. Ламартина, А. Тьера, У. Х. Прескотта, Ф. К. Шлоссера и др. В его собра-

нии хранились книги по античной истории, истории Испании XVI в., французской истории XVIII в., истории наполеоновских войн, французских революций и проч. [Библиотека: 21]. Не менее широко были представлены в библиотеке Достоевского и сочинения, посвященные истории России: «Акты по истории Южной и Западной России», изданные Археографической комиссией, и «Дополнения к Актам»; книга Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»; «Записки императрицы Екатерины II»; «История государства Российского» Н. М. Карамзина; труды С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, И. М. Снегирева, В. И. Сергеевича, М. П. Погодина; работы по истории Крымской войны, Восточному вопросу и др. Большой интерес у писателя вызывала также история Древней Руси и проч. [Библиотека: 21].

Сам страстно любивший историю, писатель еще в 1847 г. с горечью констатировал, что ни русский народ, ни люди «образованные» не знают толком отечественной истории:

Скажут: народ наш чтит память старинных царей и князей земли русской, погребенных в московском Архангельском соборе. Хорошо. Но кого же знает народ из царей и князей земли русской до Романовых? Он знает трех по имени: Дмитрия Донского, Иоанна Грозного и Бориса Годунова... Но скажут, пожалуй: что же народ? Народ темен и необразован, и укажут на общество, на людей образованных; но и восторг людей образованных к родной старине, и беззаветное стремление к ней всегда казалось нам навязанным, головным, романтическим восторгом, кабинетным восторгом, потому что кто у нас знает историю? Исторические сказки очень известны; но история в настоящее время, более чем когда-нибудь самое непопулярное, самое кабинетное дело, удел ученых, которые спорят, обсуживают, сравнивают и не могут до сих пор согласиться в самых основных идеях; ищут ключа к возможному объяснению таких фактов, которые более чем когда-либо стали загадочными [Достоевский 18: 25–26].

Интерес писателя к истории предполагал ее постижение через глубинное исследование современности. Как отмечает Л. В. Черепнин, «Достоевский обладал историческим характером мышления. Он искал исторические корни современных ему явлений, воспринимал их не статически, а в динамике, не как простые события, а как процессы» [Черепнин: 148].

Большое место история занимает в редакторской и публицистической¹ деятельности Достоевского [Волкова]. Несмотря на то, что герои писателя критиковали идею исторического прогресса, сам Достоевский ее по-своему принимал, но лишь как идеал, к которому можно приблизиться путем больших усилий, а не как объективный закон, действие которого почти никак не зависит от жизненных стремлений и поступков отдельных людей. История, по его мнению, есть не что иное, как «картина уничтожения» неестественных, выдуманных человеком (часто «ошибочно, неумело, глупо») «долгов и обычаев» и «постепенного приближения человечества к законному, естественному, нормальному долгу» [Достоевский 19: 130].

В журналах «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865), издаваемых братьями М. М. и Ф. М. Достоевскими, печатались, в том числе, и исторические материалы — по истории Пруссии, Италии, Польши, английских университетов, папства и пр. [Нечаева 1972: 143, 156–157, 163], [Нечаева 1975: 67, 89, 91]. Как пишет В. С. Нечаева: «Для журнала “Время” был характерен повышенный интерес к русской истории: почти во всех книгах журнала были помещены исторические статьи. Значительно слабее этот интерес выражен в “Эпохе”, хотя Ф. М. Достоевский еще в период ее организации задумывал выступить с исторической статьей в связи с возникшей в печати полемикой между Н. И. Костомаровым и Погодиным» [Нечаева 1975: 109]².

¹ У. С. Любятинская в кандидатской диссертации, посвященной изучению исторических воззрений автора на материале «Дневника писателя» называет Достоевского «профессиональным историком» [Любятинская: 14].

² Научная полемика историков Погодина и Костомарова была спровоцирована выходом в 1860 г. статьи последнего «Начало Руси» в журнале «Современник». Костомаров отстаивал не скандинавское, а литовское происхождение князя Рюрика и его братьев. В том же номере была подвергнута резкой критике книга близкого к славянофилам государственника М. П. Погодина «Норманнский период русской истории» (1859). Это вызвало ответную критику со стороны Погодина и привело к публичному диспуту двух ученых, состоявшемуся в том же году [Вилинбахов]. В дальнейшем полемика между историками растянулась на несколько лет и приобрела общественно-политическое значение. Достоевский в письме от 5 марта 1864 г. писал брату Михаилу: «Статья моя (будущая) о споре Погодина с Костомаровым будет во всяком случае —

Особого внимания заслуживает перевод статьи немецкого историка Г. Г. Гервинуса (1805–1871) «Теоретический очерк истории», опубликованный в ноябрьском номере «Времени» за 1861 г. В предисловии переводчика к этой статье, в частности, сообщалось: «История имеет дело с чисто человеческой жизнью, с самыми разнообразными и многосторонними ее проявлениями. Немудрено поэтому, если в настоящее время история не только что разрабатывается сама по себе, как особая специальность, но и становится центром, к которому тяготеют другие области знаний — политические и юридические, философия и даже психология. Будучи в основании чисто теоретическим знанием, эти науки приобретают тем более силы и тем ближе становятся к истине, чем ближе становятся к истории, чем тверже опираются на факты, предлагаемые ею... То же значение получает история при решении даже текущих вопросов политической газеты и журнального фельетона» [Гервинус: 245].

Сам Гервинус называет историю видом *искусства* и сравнивает ее с литературой и философией, которые также по-своему выражают действительный мир человека¹. «Действительность, настоящая основа и почва историка, есть вместе с тем основа и почва всего. Поэт возвышается над нею, философ погружается в нее: он забывает ее, отыскивая ее законы, но исходная точка того и другого — действительный мир» [Гервинус: 252]. По мнению немецкого ученого, история «учит нас рас-

большая статья и не может быть сокращена. Я смотрю на нее с надеждою. Я не знаю историю так, как они оба, а между прочим, мне кажется, что есть что сказать и тому и другому. Во всяком случае, я статью теперь написать — не могу. Физически не могу» [Достоевский 28. 2: 68].

¹ Гервинуса, как и его учителя Шлоссера, относят к либеральному направлению в немецкой историографии. В. Л. Фалейчик так характеризует его метод: «История, с точки зрения немецкого ученого, представляла собой синтез научного и художественного начал, что нашло свое выражение в применении им термина “историческое искусство”. Такой подход базировался на том, что создание настоящего исторического исследования невозможно без использования элементов деятельности поэта и философа, что в полной мере отвечает триединству познавательной деятельности человека восприятие — воображение — разум. Объединяющим звеном между научным и художественным началами служит понятие “идея”, нахождение и анализ которых является основной задачей историка» [Фалейчик: 16].

смаatrивать общественные отношения согласно целому; она убивает в нас своекорыстие, эгоизм, всякую аристократическую исключительность и, разоблачая дух древности, учит нас пользоваться настоящей жизнью» [Гервинус: 282].

Наконец (и эта мысль Гервинуса была особенно близка Достоевскому), «постоянное убеждение в бренности человеческих явлений, но вместе с тем сокрытая в них целесообразность, смена жизни и смерти, перемежающееся сознание свободы и сил человека, и с другой стороны зависимости его от высших сил, — все это вводит сдержанность в жизнь и суждения. История ведет своих адептов в высший мир, и они тем легче могут быть постоянно обдуманы и невозмутимы; трудно вызвать в них удивление, ибо пред глазами их ежеминутно проходят лучшие цветы мировой жизни; того не может прельстить мимолетное, кто переживает сердцем и умом вековую жизнь целых народов» [Гервинус: 283].

В 1867–1869 гг. Достоевский из-за границы в переписке со своим другом, поэтом А. Н. Майковым активно обсуждал замысел последнего создать цикл рассказов о русской истории (идея этого цикла возникла в связи с предыдущей увлеченной работой поэта над переводом «Слова о полку Игореве»). Как отмечают в своей статье О. В. Седельникова, Е. А. Головачева и О. П. Олейник, вопрос о способах художественного изображения «живой» истории был весьма важным для Достоевского и Майкова в связи с прежней острой дискуссией между редакцией «Времени» и утилитаристами [Седельникова].

Заметное влияние на Достоевского (и в частности, на его роман «Бесы») оказала историософская работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), которую он называл «будущей настольной книгой всех русских надолго» [Достоевский 29. 1: 30]. Как замечает А. В. Отливанчик, «основная ценность учения Данилевского о “замкнутых цивилизациях” могла состоять для Достоевского-полемиста в возможности с позиций этого учения мысленно резко отграничивать славянскую и православную Россию от германо-романского Запада Европы, воспитанного в католической духовной традиции. Элементы цивилизационной теории Данилевского использовались Достоевским-публицистом всегда выборочно и инструментально, лишь постольку, поскольку могли являться вескими аргументами в полемике с европоцентристами-“западниками”» [Отливанчик: 128].

В целом история, как полагал Достоевский, давно выработала вековые идеалы красоты, которые стоили человечеству больших усилий, и понимающий человек должен уважительно относиться к этому опыту: «<...> мы говорили о потребности красоты, и о том, что у человечества уже определились отчасти ее вековые идеалы (так что все это уже стало всемирной историей и связано общечеловечностью с настоящим и с будущим, навеки и неразрывно), — не говоря уже о том, заметим утилитаристам, что ведь можно относиться к прошедшей жизни и к прошедшим идеалам и не наивно, а исторически» [Достоевский 18: 96].

За несколько месяцев до своей кончины Достоевский в письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. составил список для чтения его дочери, в котором, наряду с произведениями В. Скотта, И. В. Гете, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ч. Диккенса, Л. Н. Толстого и других писателей, особо были выделены собственно исторические труды: «Хорошо прочесть всю историю Шлоссера¹ и русскую Соловьева. Хорошо не обойти Карамзина. Костомарова пока не давайте. Завоевание Перу, Мексики Прескотта необходимы. Вообще исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение» [Достоевский 30. 1: 212]. «Систематически» заняться историей для «расширения круга зрения» и «повышения уровня мыслей» Достоевский советовал и своему пасынку П. А. Исаеву [Достоевский 29. 1: 167]. Показателен и совет, данный писателем племяннице С. А. Ивановой: «Кстати: если примете мою мысль, то запаситесь как-нибудь, в деревню всей “Consulat et l’Empire” Тьера², на первый случай; в ней слишком много современной истории, и читайте не как роман,

¹ «Историю» Шлоссера, обычно относимого к либеральной гейдельбергской школе первой половины XIX в. [Савельева: 283], Достоевский неоднократно советовал читать разным своим знакомым. Можно предположить, что главная ценность труда Шлоссера для писателя заключалась в том, что ее автор, маскирующий свое изложение внешними позитивизмом и прогрессизмом, умел при этом неким гениальным образом создавать у вдумчивого читателя ощущение действия в истории высшей духовной силы. О присутствии «Истории» Шлоссера в творчестве Достоевского см.: [Подосокорский 2023a].

² Чтобы в полной мере осознать масштаб данного Достоевским совета молодой девушке, стоит вспомнить, что только один названный труд Тьера состоял из 21 внушительного тома, а таких сочинений писатель предлагал прочесть 50 — для того, чтобы только *начать* заниматься искусством!

а, так сказать, изучая. Это на первый случай; но, конечно, надо прочесть серьезно подобных книг, может быть, 50, чтоб иметь серьезное и твердое знание, твердое основание для искусства» [Достоевский 28. 2: 293].

Герои Достоевского как историки и персонажи «исторической литературы»

Слова Достоевского об историческом знании как о «твердом основании для искусства» в полной мере относятся к его собственному творчеству, ведь многие герои его произведений увлеченно читают и сочиняют, обсуждают, покупают и продают исторические труды, постоянно обращаются в своих диалогах и монологах к различным историческим примерам, усердно учат историю и настойчиво призывают других к ее постижению. В романе «Бедные люди» (1846) студент Покровский учит истории и другим предметам «препонятливую девочку» Сашу [Достоевский 1: 31]. В романе «Неточка Незванова» (1849) главная героиня рассказывает, как чтение исторических книг превращало ее в непосредственную участницу изучаемой истории [Достоевский 2: 231]. Пробовал «всемирную историю проходить» с дочерью Соней и титулярный советник Семен Мармеладов [Достоевский 6: 16]¹.

В романе «Идиот» на недостаточное историческое образование указывают Настасья Филипповна — Рогожину: «Ты бы образил себя хоть бы чем, хоть бы “Русскую историю” Соловьева прочел, ничего-то ведь ты не знаешь» [Достоевский 8: 176], и Аглия Епанчина — князю Мышкину: «...я заметила, что вы ужасно необразованны; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у вас: ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату? Вы очень жалки» [Достоевский 8: 430]. В «Бесах» Лизавета Тушина училась у Степана Трофимовича Верховенского с восьми лет до одиннадцати, и он рассказывал ей «какие-то поэмы об устройстве мира, земли, об истории человечества. Лекции о первобытных народах и о первобытном человеке были занимательнее арабских сказок» [Достоевский 10: 59].

¹ Т. А. Касаткина указывает на конкретный учебник по древней истории Кайданова, как на вероятное чтение Сони Мармеладовой о Кире Персидском [Касаткина 2023: 95].

При этом ряд произведений Достоевского жанрово определен автором как «летопись» («Петербургская летопись», «Дядюшкин сон») или «хроника» («Бесы») и т. п., что позволяет формально отнести их к «исторической литературе» в широком смысле. «Историческая литература» обильно создается и внутри самих произведений писателя. К примеру, Ордынцов в «Хозяйке» (1847) является автором сочинения по истории церкви [Достоевский 1: 318]. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) после смерти Фомы Опискина в его комнатах была обнаружена рукопись с «началом исторического романа, происходившего в Новгороде, в VII столетии» [Достоевский 3: 130]. Степан Трофимович в «Бесах» пишет «Рассказы из испанской истории» [Достоевский 10: 61, 235]. А произведения начинающего писателя Ивана Петровича, героя романа «Униженные и оскорбленные» (1861) его близкие поначалу оценивают через призму исторических романов М. Н. Загоскина: «И добро бы большой или интересный человек был герой, или из исторического что-нибудь, вроде Рославлева или Юрия Милославского; а то выставлен какой-то маленький, забитый и даже глуповатый чиновник, у которого и пуговицы на вицмундире обсыпались; и всё это таким простым слогом описано, ни дать ни взять, как мы сами говорим... Странно!» [Достоевский 3: 188].

Некоторые герои писателя создают собственные оригинальные историософские теории (как Родион Раскольников) или выступают с разоблачением уже существующих теорий. Так, в «Записках из подполья» (1864) критикуется прогрессистское понимание истории, выразителями которого в XIX в. были многие влиятельные европейские философы, включая А. Сен-Симона, Г. В. Ф. Гегеля, О. Конта, Д. С. Милля, Г. Спенсера и др. Идея прогресса «предполагает, что человечество улучшало свое состояние в прошлом (от некоего первобытного состояния примитивности, варварства или даже ничтожества), продолжает двигаться в этом направлении сейчас и будет двигаться и дальше в обозримой перспективе» [Нисбет: 35].

Против этой идеи, с ее верой в постоянное и всеобщее смягчение общественных нравов и в то, что человек с каждым новым веком делается все разумнее и просвещеннее, направлены обличительные речи подпольного парадоксалиста: «Попробуйте же бросьте взгляд на историю человечества; ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй, хоть и величественно; уж один колосс Родосский, например, чего стоит!

Недаром же г-н Анаевский свидетельствует о нем, что одни говорят, будто он есть произведение рук человеческих; другие же утверждают, что он создан самою природою. Пестро? Пожалуй, хоть и пестро; разобрать только во все века и у всех народов одни парадные мундиры на военных и статских — уж одно это чего стоит, а с вицмундирами и совсем можно ногу сломать; ни один историк не устоит. Однообразно? Ну, пожалуй, и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся, и прежде дрались, и после дрались, — согласитесь, что это даже уж слишком однообразно. Одним словом, всё можно сказать о всемирной истории, всё, что только самому расстроенному воображению в голову может прийти. Одного только нельзя сказать, — что благоразумно. На первом слове поперхнетесь» [Достоевский 5: 116].

«Записки из подполья» совершили настоящий переворот в мировой философской мысли, хотя были оценены по достоинству лишь в XX столетии [«Записки из подполья»...]. Герой «Записок», опережая свое время, указывал на то, что человек зачастую действует нерационально и, казалось бы, в ущерб своим непосредственным интересам:

А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт. Тут уж и со всемирной историей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человек и хоть сколько-нибудь жили. Что же касается до моего личного мнения, то любить только одно благоденствие даже как-то и неприлично. Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда что-нибудь тоже очень приятно [Достоевский 5: 119].

Дмитрий Разумихин в «Преступлении и наказании» обрушивается с критикой на не менее распространенное в то время понимание истории как процесса развития человечества, детерминированного социально-экономическими причинами:

Я тебе книжки ихние покажу: всё у них потому, что “среда заела”, — и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагаются! У них не человечество, развившись историческим, *живым* путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя

из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: “безобразия одни в ней да глупости” — и всё одною только глупостью объясняется! Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо *живой души!* [Достоевский 6: 196–197].

История как основа поэтики Достоевского

В целом ряде исследований¹ нами было показано, как различные исторические сюжеты, пропущенные через гениальное творческое сознание автора, создают своего рода фундамент для поэтики Достоевского и придают его художественным сочинениям дополнительный объем и смысл. Например, в комической повести «Дядюшкин сон» главная героиня Марья Москалева напрямую сравнивается с Наполеоном, и весь основной сюжет произведения при этом строится как пародия на наполеоновские войны (без знания истории наполеоновской эпохи понять художественный замысел автора оказывается просто невозможно). Выделим условно несколько основных элементов исторического в произведении Достоевского: имя (от Ликурга и Кира Персидского до Джузеппе Гарибальди и Отто фон Бисмарка), число (значимая дата или обозначение некоего важного периода), вещь (в ее роли может выступать что угодно — от книги по истории как предмета до символической детали в виде наполеондора или портрета Екатерины II), событие (отсылки к взятию Казани Иваном Грозным, казни мадам Дюбарри, битве при Ватерлоо, Крымской войне и т. п.) и цитата (не всегда точная и подлинная и часто перифразированная или приписываемая тому или иному историческому деятелю).

Все эти элементы не существуют изолированно, но тесно переплетены друг с другом и либо являются органическими частями вставного исторического повествования, непосредственно формализованного автором (таковы, например, воспоминания отставного солдата Астафия Ивановича о его участии в войнах с Наполеоном в 1812–1814 гг. в

¹ См. статьи: [Подосокорский 2011], [Подосокорский 2013], [Подосокорский 2022], [Подосокорский 2024] и др.

журнальной версии рассказа «Честный вор» или выдуманный анекдотический рассказ генерала Иволгина о его службе камер-пажом у Наполеона в 1812 г. в романе «Идиот»), либо сами образуют внутри произведения некий дополнительный сюжет второго плана, который не всегда очевиден без проведения тщательного филологического анализа и соответствующей историко-культурной реконструкции.

Обычно отправной точкой для развертывания в произведениях Достоевского завуалированного историко-мифологического сюжета является прямое упоминание имени какого-то знаменитого деятеля вроде Цезаря или Наполеона, которое уже самим фактом своего появления в тексте актуализирует целый ряд связанных с ним легенд. В каждом таком конкретном случае речь идет вовсе не о цепи случайных и произвольных ассоциаций, связанных с тем или иным прославленным именем, но о создании внутри текста еще одного целостного историко-художественно мира, который как бы отодвинут на второй план в основном сюжете произведения, в котором судьба вымышленных героев причудливым образом соединяется (через повторение, пародирование, продолжение и переосмысление разных ситуаций) с жизнью реальных исторических деятелей.

Это соединение отнюдь не сводится к моральному сопоставлению характеров и вообще к оценке нравственных качеств литературных героев и исторических фигур, но выражается именно в формировании дополнительной реальности (со своим специфическим сюжетом), существующей между мирами всеобщей истории и авторского искусства. По сути, речь идет о разновидности мифотворчества Нового времени, которое одинаково питает и литературу (не давая ей целиком отойти от продолжающейся человеческой истории в область так называемого «чистого искусства»), и историю (истолковывая в произведении ее социокультурные последствия для жизни последующих поколений, но не прямым и дискурсивным, а художественным способом).

В завершение выделим ключевые моменты того, как именно история понималась Достоевским, как она фигурирует в его творчестве. Во-первых, история для Достоевского не сводится к одному только завершенному прошлому, но живо присутствует как действующий субъект и в настоящем, продолжая формироваться, меняться, осмысляться и влиять на происходящее в том числе и через искусство. По мнению писателя, яркие фигуры предыдущих веков, обладающие бессмертной

душой, продолжают активно влиять на общество и после своей физической смерти: «Ну, кто бы мог подумать, что, например, Корнель и Расин отзовутся своим влиянием в такие странные и решительные минуты исторической жизни целого народа, что, казалось бы, и немыслимо было сначала, что делать таким старым колпакам, как Корнель и Расин, в такие эпохи. Оказалось, что души-то и не умирают» [Достоевский 18: 78].

Во-вторых, история в сознании Достоевского всегда неотделима от судьбы конкретных человеческих личностей, носящих в себе *сердцевину целого*. В вере для писателя самым ценным, подлинным и репрезентативным была уникальная личность живого Христа, в истории же — трагические и сложные фигуры крупных исторических деятелей вроде Наполеона или Петра Великого.

В-третьих, огромное значение для писателя имела национальная история России, которая является органической частью всеобщей истории, но отнюдь не растворяется в ней: «Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем всё наоборот» [Достоевский 18: 54]. Оторванность от родной почвы, веры и народа, презрение к России являются признаками саморазрушения и душевного распада его героев. Неслучайно в произведениях Достоевского столь часто упоминаются конкретные книги по российской истории, которые требуют к себе повышенного внимания читателя.

Назначение истории, как оно было сформулировано писателем еще в стихотворении «На первое июля 1855 года», состоит в том, чтобы рассказывать «священные дела», и при помощи «беспристрастного резца» создавать «светлый, ясный образ» родины [Достоевский 2: 408]. Старец Зосима в своих поучениях утопически связывал историческое призвание русского народа с идеей служения и «подвигами просвещения и милосердия» [Достоевский 14: 288].

В-четвертых, у каждого персонажа художественных миров писателя есть своя собственная *история*, в которой отражается весь исторический опыт человечества. Своей историей персонаж Достоевского, как правило, рано или поздно делится с другими. Характерен в этом смысле диалог Мечтателя и Настеньки в романе «Белые ночи»:

— Ну, что вы за человек? Поскорее — начинайте же, рассказывайте свою историю.

— Историю! — закричал я, испугавшись, — историю! Но кто вам сказал, что у меня есть моя история? у меня нет истории...

— Так как же вы жили, коль нет истории? [Достоевский 2: 110].

Жить без истории оказывается совершенно невозможно, ибо история и есть синоним самой жизни в ее динамике. Герой «Униженных и оскорбленных», являющийся альтер-эго самого Достоевского, так рассказывает Елене о своем основном занятии: «И я объяснил ей сколько мог, что описываю разные истории про разных людей: из этого выходят книги, которые называются повестями и романами. Она слушала с большим любопытством» [Достоевский 3: 296]. Как отмечал еще В. И. Кайгородов, «герой Достоевского всегда в центре жизни, он в сущности и есть история, творец ее, а значит, и себя самого [Кайгородов: 40].

В-пятых, серьезные философские размышления об истории зачастую прикрыты у Достоевского большой долей юмора героев-шутов и едкой иронией героев-идеологов. Вот, к примеру, в какой форме в повести «Село Степанчиково и его обитатели» выражена мысль о том, кто и почему оказывается прославлен во всемирной истории:

— Для вас не существует великих людей, кроме каких-то там Цезарей да Александров Македонских! А что сделали твои Цезари? кого осчастливили? Что сделал твой хваленый Александр Македонский? Всю землю-то завоевал? Да ты дай мне такую же фалангу, так и я завоюю, и ты завоюешь, и он завоюет... Зато он убил добродетельного Клита, а я не убивал добродетельного Клита... Мальчишка! прохвост! розог бы дать ему, а не прославлять во всемирной истории... да уж вместе и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Фома Фомич!

— Не пощажу дурака! — кричал Фома.

— И не щади! — с жаром подхватил Степан Алексеевич, тоже подвыпивший, — нечего их щадить; все они прыгуны, все только бы на одной ножке повертеться! колбасники! [Достоевский 3: 159].

За этим сумасбродным обвинением юродствующего Фомы скрывается многовековая проблема отношения христиан к великим деятелям

внехристианской истории, которая не имеет однозначного и простого решения. Вдохновлявший столь многих героев Достоевского Наполеон I, когда ему было одиннадцать лет, перестал, по его собственному признанию, считать себя искренне верующим христианином именно после того, как услышал в одной проповеди, что великий Цезарь будет вечно гореть в аду уже потому, что он жил до пришествия Христа и не отправлял христианских ритуалов [Кронин: 34]. Достоевский не избегает полностью моральной оценки личностей «особенно страшных кровопроливцев» (как их называет Раскольников), но и не ставит ее во главу угла, как Л. Н. Толстой.

В-шестых, дополнительные исторические сюжеты в произведениях писателя проникнуты игровым началом, хотя и не сводятся только к одной игре. На это обратил внимание еще К. Г. Исупов, который отмечает, что герой Достоевского «может имитировать в своем поведении историческую личность, “цитировать” в своей судьбе исторический сюжет, апеллировать к историческому факту и строить целые программы исторических аргументаций, может “сбежать” в историю до полного забвения настоящего, — в любом случае прошлое как осязаемая, плотно набитая событиями реальность, чрезвычайно важный компонент поведенческих детерминаций героя. Не составит большого труда показать, что в экспериментальных типах поведения (по авторскому определению: “шаг”, “проба”) герои Достоевского заняты тем, что сейчас называют историческими играми» [Исупов: 116].

В-седьмых, в основе всемирной истории у Достоевского всегда лежит история священная, над которой надстраивается история профанная, сугубо человеческая.

В-восьмых, благодаря Достоевскому всемирная история в нашем представлении также сильно изменилась и усложнилась. К примеру, после публикации «Преступления и наказания» и других произведений писателя столь же невозможен разговор о Наполеоне и его мифе, сколь немислимы обращения к образу кардинала Ришелье без отсылки к романам А. Дюма или исследование личности Бориса Годунова без учета поэтических прозрений А. С. Пушкина. Достоевский изменил в мировой культуре взгляд на человека, который всегда находится в центре истории и не может жить сам по себе, закрывшись от чужого страдания, не разрушив при этом себя. «Ни у кого, кажется, в истории мира не было такого отношения к человеку, как у Достоевского», —

писал Н. А. Бердяев [Бердяев: 360]. «Он великий зачинатель и *предопределитель* нашей культурной сложности», — замечал относительно значения Достоевского для последующей истории В. И. Иванов [Иванов: 402].

История для Достоевского — не некий обобщенный процесс, определяемый и измеряемый большими цифрами, статистически и отстраненно, но цепь «частных случаев» и конкретных судеб (личных историй), через приобщение к которым только и можно увидеть подлинный ход и глубинный смысл большой истории. В своем восприятии истории писатель был гораздо ближе к историку древности Плутарху, чем к современному историку Шаррасу, хотя первый строил свои жизнеописания во многом на героических легендах и священных преданиях, а второй писал книги, основываясь на строгих фактах и документах. Достоевский верил, что даже один человек, самый незначительный и слабый, может в одночасье стать подлинным творцом истории, что большая история абсолютно бессмысленна, если из нее исключается религиозное измерение, выражающееся не в постановлениях государственных и церковных институций, а в глубоко личных отношениях конкретного человека с Богом.

«Реализм в высшем смысле» Достоевского-художника невозможно понять без учета отношения писателя к человеческой истории, в которой действуют самые разные силы, и главная борьба проходит не между государствами, но между дьяволом и Богом, по-разному видящими всемирное единство человечества.

Список литературы

Источники

Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 311–510.

Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

Гервинус Г. Г. Теоретический очерк истории // Время. Журнал литературный и политический. 1861. Ноябрь. С. 244–286.

Достоевский А. М. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 395 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера / пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой; под общ. ред. А. Д. Люблинской. Л.: Наука, 1978. 312 с.

Ризенкамф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 176–184.

Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 163–170.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 291–311.

Цицерон. Об ораторе / пер. Ф. А. Петровского // *Цицерон.* Эстетика: Трактаты, Речи. Письма. М.: Искусство, 1994. С. 162–372.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Худож. лит., 1939–1953.

Чумиков А. А. Петербургский университет полвека назад // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках: в 3 т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. Т. 1. 1807–1861: в 2 кн. Кн. I / сост. и отв. ред. Т. Н. Жуковская. С. 236–256.

Исследования

Викторович В. А. Утраченная пьеса Достоевского «Мария Стюарт» (материалы к реконструкции замысла) // *Неизвестный Достоевский.* 2023. Т. 10. № 4. С. 55–101. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2023.7021>

Викторович В. А. Утраченная пьеса Достоевского «Борис Годунов» (источники, концепция) // *Неизвестный Достоевский.* 2024. Т. 11. № 1. С. 5–43. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7121>

Вилинбахов Г. В. К истории одной научной дуэли (диспут М. П. Погодина и Н. И. Костомарова) // *Археографический ежегодник.* М.: Наука, 2013. Т. 1, № 1. С. 162–179.

Волкова Е. А. Освещение основных проблем российской истории в публицистических сочинениях Ф. М. Достоевского // *Вестник Брянского государственного университета.* 2016. № 2 (28). С. 37–40.

Герасименко Г. А. История российской исторической науки (дооктябрьский период). М.: Российская международная академия туризма, 1998. 192 с.

«Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в культуре Европы и Америки / отв. ред. Е. Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1024 с.

Иванов В. И. Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В. И.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. Т. 4. С. 399–436.

Исупов К. Г. Историческое познание в художественном опыте Ф. М. Достоевского // *Исупов К. Г.* Русская философская культура. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 114–143.

Кайгородов В. И. Об историзме Достоевского // *Достоевский.* Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридлиндер. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 27–40.

Касаткина Т. А. Кир Персидский и «Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4(24). С. 93–128. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-93-128>

Кронин В. Наполеон / пер. с англ. С. Струкова. М.: Захаров, 2008. 559 с.

Любятинская У. С. Исторические воззрения Ф. М. Достоевского: По материалам «Дневника писателя»: дис. ... канд. истор. наук. М., 2006. 193 с.

Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы 1837–1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. 2019. Т. 6. № 2. С. 56–93. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2019.3981>

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М.: Наука, 1972. 317 с.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» 1864–1865. М.: Наука, 1975. 303 с.

Нечаева В. С. Ранний Достоевский, 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Г. Сапова. М.: ИРИСЭН, 2007. 555 с.

Отливанчик А. В. Философско-историческая доктрина Н. Я. Данилевского в восприятии Ф. М. Достоевского: по документальным источникам // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 120–129.

Подосокорский Н. Н. Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 350–362.

Подосокорский Н. Н. Наполеон и 1812 год в творчестве Ф. М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / отв. ред. В. И. Щербаков. М.: ИМЛИ, 2013. С. 319–364.

Подосокорский Н. Н. «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135>

Подосокорский Н. Н. Лакей Смердяков как почитатель Наполеона в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый мир. 2024. № 1 (1185). С. 172–183.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. 523 с.

Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с.

Седельникова О. В., Головачева Е. А., Олейник О. П. «Рассказы из русской истории» А. Н. Майкова: от идеи к реализации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 198–221. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221>

Смирнова Е. Л. Достоевский и античность: классическое образование в пансионе Л. И. Чермака // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 5–33. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5441

Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 512 с.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2023. 528 с.

Фалейчик В. Л. Исторические взгляды Г. Г. Гервинуса: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Пенза, 2007. 24 с.

Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридлиндер. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 241–254.

Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 383 с.

Штейнберг А. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский / сост., подгот. текста и коммент. Н. Портновой. М.: Модест Колеров, 2017. 384 с.

References

- Viktorovich, V. A. “Utrachennaia pësa Dostoevskogo ‘Mariia Stiuart’ (materialy k rekonstruktsii zamysla)” [“Dostoevsky’s Lost Play ‘Mary Stuart’ (Materials for the Reconstruction of the Idea)”]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 10, no. 4, 2023, pp. 55–101. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2023.7021> (In Russ.)
- Viktorovich, V. A. “Utrachennaia pësa Dostoevskogo ‘Boris Godunov’ (istochniki, kontsepsiia)” [“Dostoevsky’s Lost Play ‘Boris Godunov’ (Sources, Concept)”]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 11, no. 1, 2024, pp. 5–43. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7121> (In Russ.)
- Vilinbakhov, G. V. “K istorii odnoi nauchnoi dueli (disput M. P. Pogodina i N. I. Kostomarova)” [“On the History of a Scientific Duel (Dispute Between M. P. Pogodin and N. I. Kostomarov)”]. *Arkheograficheskii ezhegodnik*, vol. 1, no. 1. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 162–179. (In Russ.)
- Volkova, E. A. “Osveshchenie osnovnykh problem rossiiskoi istorii v publitsisticheskikh sochineniiakh F. M. Dostoevskogo” [“Coverage of the Main Problems of Russian History in the Journalistic Writings of F. M. Dostoevsky”]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (28), 2016, pp. 37–40. (In Russ.)
- Gerasimenko, G. A. *Istoriia rossiiskoi istoricheskoi nauki (dooktiabr’skii period)* [The History of Russian Historical Science (Pre-October Period)]. Moscow, Rossiiskaia mezhdunarodnaia akademiia turizma Publ., 1998. 192 p. (In Russ.)
- “Zapiski iz podpol’ia” F. M. Dostoevskogo v kul’ture Evropy i Ameriki [“Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 1024 p. (In Russ.)
- Ivanov, V. I. “Dostoevskii i roman-tragediia” [“Dostoevsky and the Tragedy Novel”]. *Ivanov, V. I. Sbranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.], vol. 4, ed. by D. V. Ivanov and O. Deshart. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien Publ., 1987, pp. 399–436. (In Russ.)
- Isupov, K. G. “Istoricheskoe poznanie v khudozhestvennom opyte F. M. Dostoevskogo” [“Historical Knowledge in the Artistic Experience of F. M. Dostoevsky”]. Isupov, K. G. *Ruskaia filosofskaia kul’tura* [Russian Philosophical Culture]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2010, pp. 114–143. (In Russ.)
- Kaigorodov, V. I. “Ob istorizme Dostoevskogo” [“About Dostoevsky’s Historicism”]. Fridlender, G. M., editor. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [F. M. Dostoevsky. Materials and Research], vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 27–40. (In Russ.)
- Kasatkina, T. A. “Kir Persidskii i ‘Fiziologiiia’ Liuisa v ‘Prestuplenii i nakazanii’” [“Cyrus of Persia and Lewes’ ‘Physiology’ in the Novel ‘Crime and Punishment.’”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 93–128. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-93-128> (In Russ.)
- Kronin, V. *Napoleon* [Napoleon], trans. from English S. Strukov. Moscow, Zakharov Publ., 2008. 559 p. (In Russ.)
- Liubiatinskaia, U. S. *Istoricheskie vozzreniia F. M. Dostoevskogo: Po materialam “Dnevnikha pisatelii”* [The Historical Views of F. M. Dostoevsky: Based on the Materials of the “Diary of a Writer”: PhD Dissertation]. Moscow, 2006. 193 p. (In Russ.)

Maskevich, E. D., and B. N. Tikhomirov. "Iz iunykh let Mikhaila i Fedora Dostoevskikh (Novye arkhivnye materialy 1837–1839 gg.)" ["The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837–1839)"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 56–93. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2019.3981> (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Vremia" 1861–1863* [*The Magazine of M. M. and F. M. Dostoevsky "Time," 1861–1863*]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 317 p. (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha" 1864–1865* [*The Magazine of M. M. and F. M. Dostoevsky "Epoch," 1864–1865*]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 303 p. (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *Rannii Dostoevskii, 1821–1849* [*Early Dostoevsky, 1821–1849*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

Nisbet, R. *Progress: istoriia idei* [*Progress: The History of the Idea*], trans. from English by Iu. Kuznetsov and G. Sapov. Moscow, IRISEN Publ., 2007. 555 p. (In Russ.)

Otlivanchik, A. V. "Filosofsko-istoricheskaia doktrina N. Ia. Danilevskogo v vospriiatii F. M. Dostoevskogo: po dokumental'nym istochnikam" ["Philosophical and Historical Doctrine of N. Ya. Danilevsky: On Documental Perception of F. M. Dostoevsky: On Documentary Sources"]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 22, 2019, pp. 120–129. (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. "Napoleonovskie voiny v 'Diadiushkinom sne' F. M. Dostoevskogo" ["The Napoleonic Wars in F. M. Dostoevsky's 'Uncle's Dream'"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2011, pp. 350–362. (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. "Napoleon i 1812 god v tvorchestve F. M. Dostoevskogo" ["Napoleon and the Year 1812 in the Works of F. M. Dostoevsky"]. Shcherbakov, V. I., editor. *1812 god i mirovaia literatura* [*The Year 1812 in World Literature*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 319–364. (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. "Napoleonovskii' Peterburg i ego otrazhenie v romane F. M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie.'" ["Napoleonic' Petersburg and Its Reflection in F. M. Dostoevsky's Novel 'Crime and Punishment.'"] *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135> (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. "Lakei Smerdiakov kak pochitatel' Napoleona v romane F. M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamazovy.'" ["Lackey Smerdyakov as an Admirer of Napoleon in F. M. Dostoevsky's Novel 'The Brothers Karamazov.'"] *Novyi mir*, no. 1 (1185), 2024, pp. 172–183. (In Russ.)

Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. *Teoriia istoricheskogo znaniia* [*Theory of Historical Knowledge*]. St. Petersburg, Aleteia, Istoricheskaia kniga Publ., 2007. 523 p. (In Russ.)

Saraskina, L. I. *Dostoevskii* [*Dostoevsky*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 825 p. (In Russ.)

Sedel'nikova, O. V., E. A. Golovacheva, and O. P. Oleinik. "Rasskazy iz russkoi istorii" A. N. Maikova: ot idei k realizatsii" ["Apollon Maykov's 'Tales from Russian History': from Idea to Implementation"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (25), 2024, pp. 198–221. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221> (In Russ.)

Smirnova, E. L. “Dostoevskii i antichnost’: klassicheskoe obrazovanie v pansione L. I. Chermaka” [“Dostoevsky and Antiquity: Classical Education at the L. I. Chermak Boarding School”]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 8, no. 2, 2021, pp. 5–33. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5441> (In Russ.)

Stepanian, K. A. “Soznat’ i skazat’”: “Realizm v vysshem smysle” kak tvorcheskii metod F. M. Dostoevskogo [“To Know and Say”: “Realism in the Highest Sense” as F. M. Dostoevsky’s Creative Method]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)

Uait, Kh. *Metaistoriia: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe], trans. from English, ed. by E. G. Trubina, V. V. Kharitonov. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2023. 528 p. (In Russ.)

Faleichik, V. L. *Istoricheskie vzgliady G. G. Gervinusa* [Historical views of G. G. Gervinus: PhD Thesis, Summary]. Penza, 2007. 24 p. (In Russ.)

Fedorov, G. A. “Pansion L. I. Chermaka v 1834–1837 gg. (po novym materialam)” [“Boarding House of L. I. Chermak in 1834–1837 (Based on New Materials)”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research], vol. 1. ed. by G. M. Fridlender. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 241–254. (In Russ.)

Cherepnin, L. V. *Istoricheskie vzgliady klassikov russkoi literatury* [Historical Views of the Classics of Russian Literature]. Moscow, Mysl’ Publ., 1968. 383 p. (In Russ.)

Shteinberg, A. *Dnevniky (1909–1971). F. M. Dostoevskii* [Diaries (1909–1971). F. M. Dostoevsky], comp., text prep. and comm. by N. Portnova. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2017. 384 p. (In Russ.)